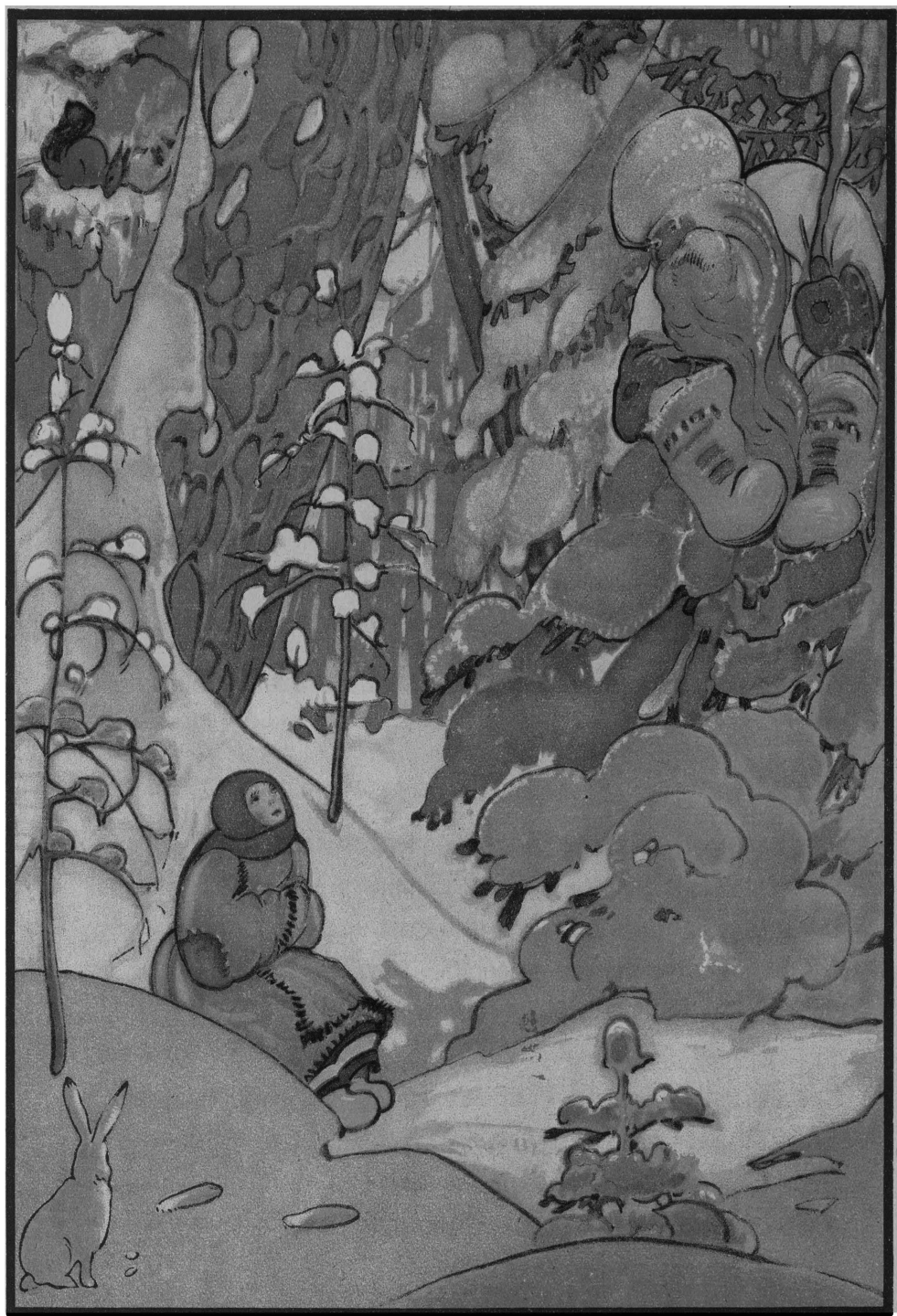

дедку Мороза: жених богатый, чего ей еще надо! Правда, хоть не молод, ну да ничего: стерпится—слюбится“. Старик и ложку выронил, глаза вытаращил, смотрит на жену. „Опомнись, старуха,—говорит:—в уме ли ты?“ — „Ладно, разговаривай еще. Жених богатый, у него все елки, сосны да березы в серебре стоят. И дорога к нему не бог знает какая дальняя: сперва прямо поезжай, потом направо, в темный лес заверни, а там, как десять верст проедешь, под высокой сосной Марфутку и ссади. Да место заприметь хорошенько, завтра молодую навестить тебя же пошлю. Ну,

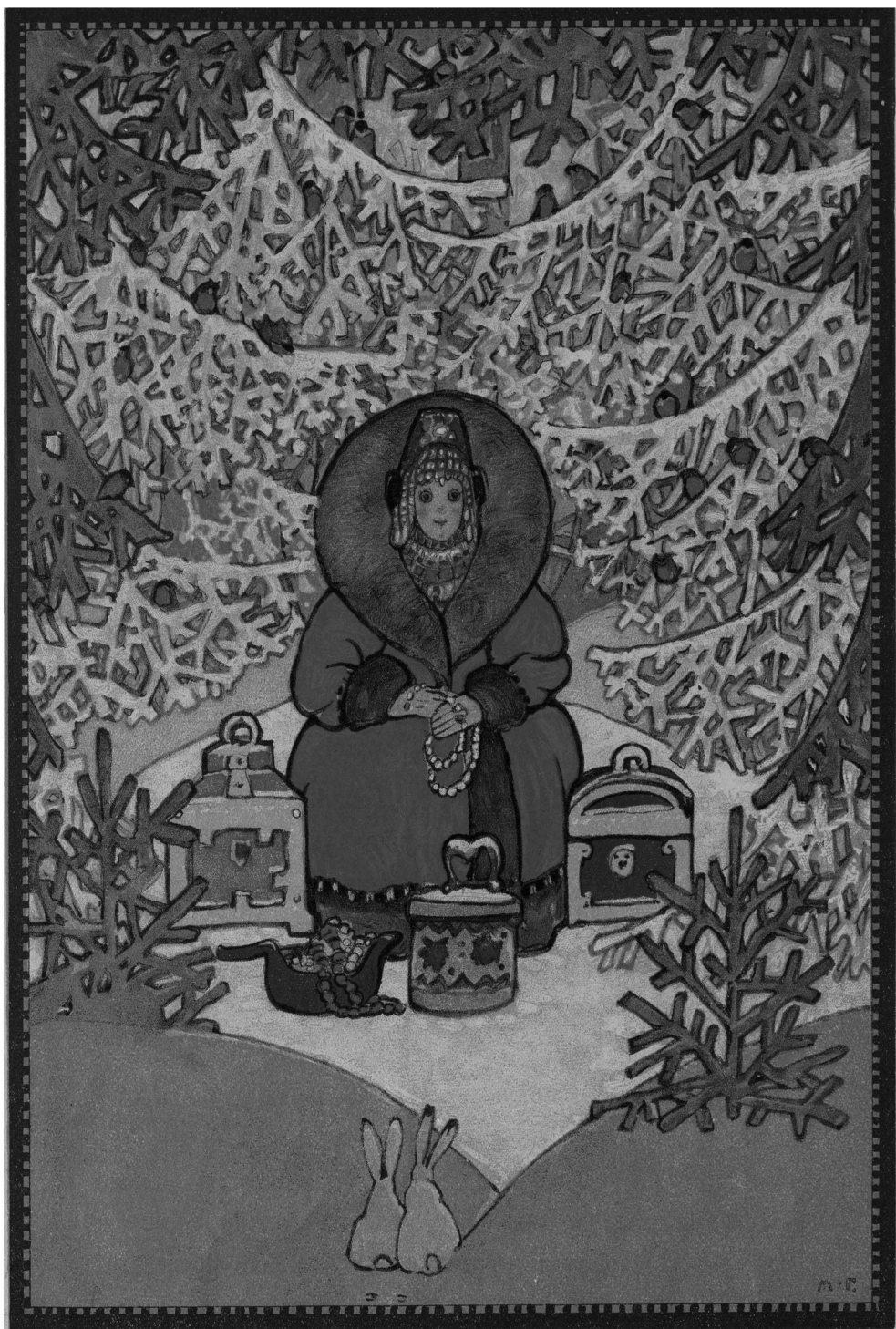

живей, нечего время терять!" А на дворе стояла зима лютая лежали снега глубокие, птица на-лету мерзла.

Встал старик с лавки, положил дочернины пожитки на дровни, велел ей надеть шубу — и поехали. Доехали до лесу, въехали в глушь непроходимую и под высокой сосной остановились. „Слезай, дочушка“, — говорит старик. Слезла Марфуша. Старик снял с дровней коробейку, поставил под сосной, посадил дочку свою и сказал: „Сиди, жди жениха, да принимай ласковее“. Простился с дочерью и поехал домой.

Сидит Марфуша под высокой сосной на коробейке, сидит — пригорюнилась. Стало ее холодом, ознобом пробирать; вдруг слышит: Морозко по лесу пощелкивает, потрескивает, с елки на елку перескакивает. Вот уж он и на высокой сосне. „Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?“ — спрашивает. „Тепло, дедушка, тепло, Морозушко“, — говорит Марфуша, а у самой зуб на зуб не попадает. Стал Морозко ниже спускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать, и опять спрашивает: „Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?“ А Марфуша уж замерзать стала. Тут сжалился Мороз, покрыл ее шубами, отогрел одеялами, обласкал, подарил ей сундук с нарядами, шубу атласом крытую, серебра и камней самоцветных. „Разжалобила, — говорит, — ты меня, красная девица, разжалобила своей кротостью да безответностью“.

На утро старуха поднялась ранним-рано, стала блины печь, чтоб было чем падчерицу помянуть. „Ну, поезжай, — говорит мужу, — поздравь молодых-то“. Старик запряг лошадь и поехал. Доехал до высокой сосны — и глазам своим не верит: сидит Марфуша на коробейке веселая-превеселая,

на ней шуба новая, в ушах серьги драгоценные, рядом ларец, серебром окованный. Сложил старик все добро на воз, сел с дочерью — и скорей домой. Дома старуха блины печет, а шавка из-под лавки тявкает: „Тяв, тяв! Марфуша едет, воз добра везет“. Рассердилась старуха, швырнула в шавку поленом: „Врешь, подлая! Старик в кошолке Марфуткины косточки везет!“ Вот и дровни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: сидит на дровнях Марфуша жива-невредима, разряжена лучше праздничного, а рядом ларец с подарками дедки Мороза. Затаила мачеха злобу до времени, ласково с падчерицей поздоровалась, в избу ввела, под образами с почетом посадила.

Зависть взяла двух старухиных дочерей, как увидали они богатые Морозкины подарки. Стали они у матери просить: „Свези нас в лес, к Морозке в гости: он и нас подарками одарит. Чем же мы хуже Марфутки?“ Вот, рано поутру старуха дочек своих накормила, убрала, снарядила и в путь-дорогу отпустила. Старик свез их на то же место, куда Марфушу возил, и оставил под высокой сосной. Сели девицы рядышком и стали ждать, — про великие богатства Морозкины судить-рядить. Девушки были в шубах, а все-таки порядочно прозябли. „Что это Морозко-то запропастил-ся? — говорит одна. — Ведь так мы замерзнем“. — „Что ты с ним станешь делать, — говорит другая, — разве эти женихи рано собираются? А ты как думаешь, кого он возьмет: меня или тебя?“ — „Конечно меня, не тебя же младшую“. „Ан врешь!“ — „А ты дура!“ Слово за слово, и перебранились; стали друг дружку отчитывать: „Ты такая, а ты эдакая“. Бранились, бранились, вдруг слышат: Морозко по лесу потрескивает,

пощелкивает, с елки на елку перескакивает. Примолкли девушки. Вот мороз уж и на высокой сосне. „Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?“ — спрашивает. — „Ой, дедка, больно студено! Чуть не замерзли мы, тебя поджидаячи. Где это тебя до сей поры носило?“ Стал Морозко ниже спускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: „Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?“ — „Да ну тебя, старого дурака! Заморозил вовсе, да еще спрашивает: тепло ли! Полно шутки шутить. Давай подарки, а то плюнем и уйдем вовсе“. Спустился Мороз до самой земли и опять спрашивает: „Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?“ Рассердились вовсе мачехины дочери, не хотят и отвечать ему. Обозлился и Морозко, да так приударил, что девицы, как сидели, так и заоченели. А он их холодным инеем присы-

пал — и пошел себе по лесу с елки на елку перескакивать, с ветки на ветку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

На утро старуха говорит старику: „Запряги, старик, пошевни, положи сена побольше да возьми теплое одеяло. Дочки-то, чай, продрогли; ишь какой мороз на дворе! Да попроворней поворачивайся“. Старик живо собрался и поехал. Приехал в лес, да так руками и всплеснул: обе дочки мертвые, прислонясь к сосне, сидят. Нечего делать, поднял их, положил в пошевни и повез домой. Дома старуха хлопчет, обед готовит, чтобы получше дочек угостить, а шавка из-под лавки: „Тяв, тяв! Старик едет, дочерей косточки везет“. Рассердилась старуха: швырнула в шавку поленом: „Врешь, подлая! Старик с дочками едет, воз добра везет!“ Вот и пошевни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: лежат обе дочери. „Что ты наделал, старый хрыч? Уходил ты моих деточек, моих милых дочек, ненаглядных! Вот я ж тебя кочергой потчую!“ — „Что делать, старуха! — говорит старик. — Все мы тут виноваты: они, что на богатство польстились, ты, что их не остерегла, а мой грех, что раньше я тебя мало учил; под старость поздно уж приниматься“.

Поплакала старуха, посердилась, побранилась, да после с мужем и помирилась. С тех пор она и к Марфуше добрее стала, а когда жених-молодец присватался, старуха на Марфушиной свадьбе со стариком еще комаринскую плясала.

